ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения

Выпуск 5

Издательство Томского университета

2010

[12] Там же. С. 59.
[13] Там же. С. 55.
[14] Там же. С. 56–57.
[15] Там же. С. 72.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 142.
[18] Там же. С. 127.
[19] История политических и правовых учений... С. 266–267.
[20] д'Местр Ж.М. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 166.
[21] Там же. С. 121.
[22] Там же. С. 23.
[23] Там же. С. 14-15.
[24] Там же. С. 95.
[25] Цит. по: Степанов М. Жохеф де Местр в России // Литературное наследство. 1937. № 29–30. С. 585.
[26] Сахаров А.Н. Н.М. Карамзин // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 82–85.
[27] Томсинов В.А. Светило русской бюрократии (М.М. Сперанский). М., 1997. С. 113–126.
[28] Сперанский М.М. Проекты и записки. С. 153–180, 222.
[29] Рунич Д.П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 355–356.
[30] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и.др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 43–44.
[31] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России (1811) // Русский архив. 1870. № 1. С. 2274.
[32] Там же. С. 2290–2291.
[33] Там же. С. 2282.
[34] Там же. С. 2325–2330.
[35] Там же. С. 2343–2344.
[36] Там же. С. 2287–2290.
[37] Там же. С. 2335.
[38] Там же. С. 2348.
[39] Там же. С. 2344.
[40] Там же. С. 2304.
[41] Там же. С. 2290–2291.

Е.А. Захарченко

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ВЕДУЩАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА ЧИНГИСХАНА

Историческая память, как и индивидуальная, избирательна. Механизмы её избирательности могут быть разными. Следовательно, исторической памяти свойственно творить мифы и стереотипы. Это произошло и с личностью Чингисхана. Поэтому, на наш взгляд, необходимо на данном этапе обозначить проблему данного исследования. Следовательно, в центре нашего внимания оказывается ряд вопросов. Во-первых, как изменялся образ Темучина за весь период его существования, начиная с рождения? Какие моменты в этом периоде можно назвать переломными и как это объяснить? Во-вторых, как концепция исторической памяти соотносится с происходящими трансформациями вокруг образа Чингиса?

Хотелось бы отметить, что методологической основой курсовой работы и данного доклада является концепция исторической памяти, разрабатываемая многими историками и нашедшая отражение в работе Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти».

Необходимо упомянуть ряд других научных исследований, использованных в ходе данной работы. Это, ставшие уже хрестоматийными труды отечественных исследователей Б.Я. Владимирцова «Чингис-хан» и «Работы по истории и этнографии монгольских народов», Л.Н. Гумилёва «В поисках вымышленного царства», В.И. Кычанова «Властители Азии» и «Жизнь Темучина, думавшего покорить мир», В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и «Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов", сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе» и отдельные статьи К. Маркса, И.П. Петрушевского, С.Л. Кузьмина, Эрдмана, а также «Краткий обзор писателя XIII века Киракоса Гандзакецы о монголах».

Для начала проследим трансформацию образа Чингисхана в истории. Уже начиная с рождения, личность Темучина подверглась мифологизации. Во многом это связано с мифом о сгустке крови в руке новорождённого, описанным в «Сокровенном сказании». Этот миф подтверждает тезис из монографии Ф.Б. Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти», где написано: «Культурная память способна простираться вплоть до мифической предыстории сообщества, хранит картины из «абсолютного прошлого»»[1].

Сокровенное сказание, как источник, очень важен для понимания и, собственно, становления образа Потрясателя Вселенной, поскольку автор указывает на двойственность этой фигуры: апологетическую и критическую стороны. С другой стороны, в России, Европе и среднеазиатских странах формируется только отрицательный образ Чингисхана в связи со страхом перед его завоеваниями и мощью его армии. На российской почве этот негативный образ был ещё больше упрочнён благодаря соответствующему отношению видных историков, таких как Карамзин, который писал в своих трудах: «Сей отрок, воспитанный материю в простоте жизни пастырской, долженствовал удивить мир геройством и счастием, покорить миллионы людей и сокрушить государства, знаменитые сильными воинствами, цветущими искусствами, науками и мудростию своих древних законодателей»[2]. Такое видение личности Темучина долгое время оставалось неизменным, а после Октябрьской революции 1917 г. ещё более усилилось, что связано с опорой партии на идеи марксизма. Следовательно, мысль Мар-

кса о том, что «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети – всё летит к черту», прочно закрепляется как основополагающая в отношении к Чингису[3]. В то же время в 20-е годы XX в. зарождаются и развиваются идеи евразийства, в которых не только коренным образом пересматривается роль Потрясателя Вселенной в российской истории, но и говорится о положительном влиянии его завоеваний, так как он первый соединил Русь и Восток, став, таким образом, основателем "евразийской империи". Хотя эти идеи были на корню уничтожены большевиками, они вновь возродились в 70-е годы XX в. в работах Льва Николаевича Гумилёва, став очень популярными. Такой кардинальный пересмотр образа Темучина у евразийцев, а позже у Гумилёва, связан с возникновением тенденции антизападного настроения. В настоящее же время наблюдается очень интересная ситуация, когда в обществе преобладают обе тенденции. Это произошло не только из-за вновь ставших популярными идей Гумилёва и евразийцев, но и с трансляцией этих идей в средствах масс – медиа, а именно, в двух фильмах о Темучине: «Монгол» Сергея Бодрова-старшего и «Тайна Чингис-хаана» Андрея Борисова.

Таким образом, представляется интересной следующая мысль Ф.Б. Шенка, которая применима и к данному исследованию: «Изменение культурной памяти не следует рассматривать только как следствие, выражение или сопровождающее явление изменений в проекте самоописания определённого сообщества. На этот процесс, например, существенно повлияло развитие медиатехнологий»[4]. В качестве доказательства можно привести в пример выход за последнее время в России двух, упоминаемых ранее фильмов о Чингисе: «Монгол» Сергея Бодрова-старшего и «Тайна Чингис-хаана» якутского режиссёра Андрея Борисова. Эти фильмы весьма похожи, так как воспроизводят один и тот же период жизни Потрясателя Вселенной. Но в то же время они во многом различны, так как делают это по-разному. Так, например, опорой для Бодрова-старшего стали труды Л.Н. Гумилёва и его теория пассионарности, которая полностью была воспроизведена в фильме «Монгол». Стоит обратить внимание на «Тангутский плен» Темучина, который, по словам режиссёра, упоминается в работах учёного. Несколько иначе складывается ситуация вокруг другого фильма «Тайна Чингис-хаана», основой которого стало художественное произведение якутского писателя. В данной киноленте изображены эпизоды из жизни Потрясателя Вселенной, показывающие его образ с разных сторон, что подтверждает мысль о господстве в настоящее время тенденций о положительном и в то же время отрицательном отношении к личности Темучина.

Особенно хотелось бы отметить, что обе киноленты вызвали резонанс в обществе, о чём свидетельствуют рецензии и комментарии в сети Интернет:

1. «Что касается экранизации жизни Чингис-хана – да, пока на пять никому не удалось, но будем оптимистами (хотя лично мне этот исторический персонаж глубоко несимпатичен)»[5] (о «Тайне Чингисхана»).

2. «Для чего мы воскрешаем это чудище, да так упорно – чтобы набить очередное киночучело своими штампами?

Фильмы о великих завоевателях сейчас не редкость на экране. То Александр Македонский блеснет своей нетрадиционной сексуальной ориентацией, то вот Чингисхан удивит небывалой любовью к жене среди племени, где женщины равнялись скоту. Возможно, все это и было – но не эти же частности личного облика навеки вписали их имена на страницы истории»[6] (о «Монголе»).

3. «Великолепное эпическое кино. Не мог оторваться от экрана и смотрел на одном дыхании. Можно сколь угодно долго обсуждать исторические неточности или ляпы, были они или нет, но Бодров снял прекрасную ленту, в которой он доносит до нас не столько свой взгляд на Чингисхана, сколько некую жизненную философию, по-восточному очень мудрую и глубокую. Блестящий фильм»[7] (о «Монголе»).

Теперь вернёмся к основной идее об изменении под влиянием различных факторов исторической памяти о Чингисхане, чему немало способствуют не столько научные изыскания, сколько средства масс-медиа в лице кинематографа и Интернета. Таким образом, нельзя не отметить в связи с этим воскрешение старых и создание новых стереотипов вокруг образа Темучина.

Можно выделить являющийся, пожалуй, главным стереотип о жестокости как самого Чингисхана, так и его завоевательных походов. В то же время среди российских исследователей можно найти и опровержение данного мнения. Этот процесс, как было упомянуто выше, начинается с появления в начале XX в. идей евразийства и продолжается в трудах Л.Н. Гумилёва:

«Но почему именно Чингису и его детям приписывают опустошение Азии, в то время как другие события, гораздо большего масштаба... остались вне поля зрения историков?

Ответ на это вопрос нужно искать не в истории народов, а в историографии. Эпоха XIV – XV вв. была на Ближнее Востоке эпохой расцвета литературы, а борьба с монгольским игом и в Персии, и в России в это период являлась самой актуальной проблемой, и поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Таким образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены в разных масштабах. Отсюда и возникла гипотеза, приписывающая войнам Чингисхана почти тотальное уничтожение населения завоёванных им стран и полное изменение их ландшафта, что отнюдь не соответствует истине»[8].

Таким образом, можно сделать вывод – первоначальное предвзятое отношение к личности Чингисхана не только было продолжено в других работах по этой тематике, но и послужило началом искажения исторической памяти о Темучине на российской почве.

Ещё один стереотип сформирован вокруг экранизации истории жизни Потрясателя Вселенной, а именно то, что это должна быть масштабная киноэпопея, с большим количеством батальных сцен. Так же в фильме необходимо показать все этапы становления из Темучина Чингисхана, не упуская при этом всю сложность степных

взаимоотношений с Джамухой и Ван-ханом, но при этом не затягивая саму киноленту. Это связано не только с особенностями кинематографа, но и с тем, что в жизнеописании Потрясателя Вселенной, по мнению общественности, необходимы интрига, масштабность и соответствующие сцены сражений как подтверждение жестокости Чингиса. Такое восприятие этой личности существует в памяти людей, что также искажает образ Чингисхана в массовом сознании.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо обратить внимание, насколько спорный, противоречивый и актуальный вопрос был затронут в данной работе. Дело даже не в самой жизни и деятельности Чингисхана, а в её трактовках и изменениях отношения к «Потрясателю Вселенной». Это во многом произошло, потому что на данном этапе вновь наблюдается изменение отношения к Темучину благодаря вышедшим фильмам, и связанный с этим некий «раскол» общества как тенденция современного восприятия этой исторической фигуры.

Примечания

[1] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007.

[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. Глава 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.msclub.ce.cctpu.edu.ru/karamzin/kar03_08.htm, свободный.

[3] Маркс К. Хронологические выписки. I. Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5.

[4] Шенк Ф.Б. Указ. соч.

[5] Тайна Чингис-хана. Отзывы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kinopoisk. ru/level/1/film/397544, свободный.

[6] Москвина Т. Хорошего парня Чингисханом не назовут // Аргументы недели [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.argumenti.ru/publications/4824, свободный.

[7] Монгол. Отзывы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kinomania.ru/movies/ m/Mongol/rev.shtml, свободный.

[8] Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Т.В. Полежаева

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ Н.А. БЕРДЯЕВА

Бурное время конца XIX – начала XX в. стало временем нового витка в иудео-христианской полемике. Это был период идейного кризиса, по словам Макса Нордау, периодом «вырождения», вызванным, прежде всего, сложной социально-экономической ситуацией. В России идейный кризис вылился в кризис христианства. Отсюда интерес многих русских религиозных философов к первоистокам своей веры, к иудаизму. Обострился национальный вопрос, еврейской проблеме посвящались целые философские трактаты, появился интерес к еврейской культуре: Талмуду, каббале. Кризис традиционного уклада, поиск новых основ для духовного бытия привел к переосмыслению старых ценностей. Встал вопрос о выживании русского народа. Налицо был пример необычайной стойкости и стабильности в океане бурных политических событий – евреи. Мыслители того времени задались вопросом: как им удается выживать в течение столетий в чужих культурах? В чем «тайна Израиля»? Свой ответ на этот вопрос искал и Н.А. Бердяев.

Николай Александрович Бердяев – крупнейший русский религиозный философ конца XIX – начала XX в. Его идеи и философские концепции получили широкое хождение среди современников. Бердяев живо реагировал на окружающую его действительность, пытался понять процессы, происходившие вокруг него. Одним из результатов такого осмысления стал сборник «Вехи», вышедший в 1909 г. после спада первой революционной волны в России. Разнообразный круг интересовавших философа проблем можно свести к следующей большой тематике: судьба России и ее катастрофа. В этом свете Бердяев заинтересовался и национальным вопросом.

Свое отношение к еврейскому вопросу Николай Бердяев выразил в главах из книги «Смысл истории», а именно «Судьба еврейства» и «Христианство и антисемитизм», а также в главе «Национализм и мессианство» из произведения «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности».

Еврейский вопрос осмыслялся им в контексте судьбы России, также как и у Василия Розанова, Владимира Соловьева и других философов Серебряного века. Какова же позиция Бердяева? Для него еврейский народ – «ось всемирной истории», давшая начало новому пониманию прошлого, настоящего и будущего. Из его среды появилось христианство, и в этом, по мнению Бердяева, заключается историческая роль иудаизма. Но с приходом Христа, которого евреи не приняли, его значение сошло на «нет»: «Поскольку Христос явился в нем, он был народом Божиим, но после отвержения Христа он перестал быть народом Божиим»[1].

Большая часть размышлений Николая Бердяева соответствует общей христианской традиции, по которой историческая роль евреев как народа мессианского закончилась, но началась роль как народа исторического, т. е. являющегося народом-свидетелем, живой иллюстрацией к библейским описаниям. Что же касается причин, почему евреи не приняли Иисуса как мессию, то Бердяев как бы выстраивает диалог, обращаясь к самим евреям: «Христос не осуществил упований еврейского народа, не стал земным царем и не осуществил земного царства Израиля»[2]. Построение этого мостика между культурами, попытка прислушаться к другому мнению были новы для иудео-христианской полемики. Но философ не останавливается на этом. Он пытается доказать, что у прихода мессии была более высокая цель, для достижения которой он пришел в виде смиренном, а не царственном. Иными словами, христианство обладает большей духовностью, чем иудаизм.

В более позднем произведении «Христианство и антисемитизм», опубликованном в 1938 г., Бердяев пытается доказать, почему христианство «духовнее» иудаизма. Да, признает автор, христиане повинны в антисемитических настроениях, но природа их заложена в мессианской идее самих евреев. Она выделяет один народ, при-